

A person with dark hair, seen from behind, stands in a narrow, cluttered city street. They are wearing a dark, hooded raincoat. The street is filled with a dense network of black overhead wires and cables. Buildings with balconies and windows line the street, and a car is visible on the left. The ground is wet and reflective, suggesting it has recently rained. The overall atmosphere is gritty and urban.

Сергей Патрушев

Сто рублей в
кармане

Сергей Патрушев

Сто рублей в кармане

<https://litres.ru/73989538>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, когда жизнь рушится в один момент? Когда тебя предаёт работодатель, использовав твой труд, и выбрасывает на улицу с мятой сотней в кармане? Когда друзья не берут трубку, любимая девушка осталась в прошлом, а прохожие смотрят сквозь тебя, как сквозь пустое место?

Игорь знает ответ. Он проходит путь от отчаяния на грязной обочине до вершин, о которых не мог и мечтать. Судьба сталкивает его с безумным стариком-скрипачом, играющим на консервной банке, с жестокими и равнодушными людьми, с богатством и с настоящей любовью. Но главный вопрос остаётся: когда у тебя появляются деньги, как понять, любят ли тебя или твой кошелёк?

Эта история о том, что даже с сотней в кармане можно оставаться человеком. О том, что падение не конец, а начало нового пути. О силе духа, о звёздах, которые светят даже над самыми тёмными закоулками, и о любви, которую невозможно купить. Искренняя, пронзительная и жизнеутверждающая книга, которая напоминает: пока ты жив, всё можно изменить.

Сергей Патрушев

Сто рублей в кармане

Глава первая

Самое страшное в этом мире — не грохот разрушающихся небоскребов и не вой сирен. Самое страшное — это тишина, которая наступает после того, как тебе только что сообщили, что ты больше никто. Тишина в кабинете у Виталия Сергеевича была вязкой и какой-то сладковатой, как запах дешевого освежителя воздуха, который стоял на подоконнике, заставленном искусственными цветами. Я сидел на стуле, обитом черным дерматином, и смотрел на стол. На столе лежала смятая бумажка. Сотня. Сто рублей. Она лежала так, словно ее бросили туда из милости, как кидают кость надоевшему псу, чтобы он отстал и не путался под ногами.

Виталий Сергеевич что-то говорил, его рот открывался и закрывался, но я не слышал слов. До меня доносились только обрывки фраз, липкие и бессмысленные: «кризис», «оптимизация штата», «ты же понимаешь». Я не понимал. Я смотрел на эту сотню и понимал только то, что последние три месяца моей жизни, три месяца без выходных, ночных смен и холода в цеху были оценены ровно в эту сумму. Мне хотелось рассмеяться, но смех застрял где-то в горле, превратив-

шись в горький комок.

Ведь как всё начиналось! Как сладко пел этот самый Виталий Сергеевич, когда переманивал меня с прошлой работы. Он рисовал передо мной золотые горы, говорил о «семейной атмосфере» и «карьерном взлете». Я тогда работал на небольшом, но стабильном производстве мебели. Зарплата была серая, но ее платили день в день. Мне было двадцать семь, я чувствовал себя на пороге чего-то большого, и мне хотелось прыгнуть выше головы. А тут подвернулся он — импозантный, в дорогом пальто, с золотыми запонками. Он пригласил меня в ресторан, кормил стейком, наливал виски и говорил о том, что старая гвардия должна уступить место молодым и дерзким. Что ему нужен начальник смены, который не боится замарать руки, который вытащит производство из ямы. «Ты же инженер-технолог по образованию, — говорил он, пронзительно глядя мне в глаза, — зачем тебе прозябать? У меня ты будешь правой рукой. Зарплата — в два раза выше, плюс проценты с переработок. Официальное оформление, соцпакет, карьерный рост». Я, дурак, верил каждому слову. Я ушел с насиженного места красиво, хлопнув дверью и послав бывшего начальника куда подальше. Я чувствовал себя победителем, который поймал удачу за хвост.

Первые две недели и правда напоминали сказку. Мне вы-

дали новенькую спецовку, показали цех — огромное помещение, заставленное станками. Пахло свежей древесиной, машинным маслом и надеждой. Виталий Сергеевич лично подводил меня к каждому рабочему, представляя как «нашего спасителя». Аванс за первый месяц мне выдали в конверте, без всяких ведомостей. «Это пока так, — улыбнулся он, похлопав меня по плечу, — бухгалтерия зашивается, налоги оптимизируем. Ты же понимаешь, сам в выигрыше останешься». Я понимающе кивал, ощущая пальцами приятную толщину пачки. Тогда мне казалось, что я наконец-то оказался в мире настоящих, серьезных мужчин, которые решают вопросы без лишней бюрократии.

Реальность обрушилась на меня бетонной плитой на исходе первого месяца. В цеху сломалась сушильная камера. План горел синим пламенем, поставщики звонили каждые полчаса, угрожая штрафами. Виталий Сергеевич собрал планерку, где объявил, что работать теперь будем без выходных, пока не наверстаем график. «Ты же ответственный, — сказал он, глядя на меня, — я на тебя рассчитываю. Оплата будет тройная, как и договаривались». И я работал. Я приезжал на завод затемно, а уезжал глубокой ночью, валясь с ног от усталости. Я пах соляркой и потом, мои руки покрылись ссадинами и занозами. Я впрягся в этот воз так, будто это был мой собственный завод. Я сам чинил электрику, сам разгружал фуры с сырьем, сам стоял за станком, когда

один из рабочих запил. Я горел идеей, я видел, как с каждым днем гора бракованных досок уменьшается, а количество готовых поддонов растёт. Мне казалось, что мой героизм заметят, что мое усердие станет фундаментом моего будущего благосостояния. Я спал по четыре часа в сутки, осунулся и почернел лицом, но каждый вечер, запивая усталость растворимым кофе, я смотрел на свои записи переработок и умножал часы на обещанный тариф. Выходила внушительная сумма. Я уже мысленно выплатил часть кредита за машину и даже отложил на отпуск.

Когда подошел срок зарплаты, в офисе повисла напряженная тишина. Девушка-кадровик Леночка избегала смотреть мне в глаза. Бухгалтерша, грузная женщина с повадками цербера, на все вопросы отвечала односложно: «Виталий Сергеевич в командировке, без него никак». Мои коллеги по цеху, простые работяги, ходили мрачнее тучи, но молчали в тряпочку, боясь потерять хоть что-то. Я же кипел. Я подходил к Леночке каждый день, стучал в запертую дверь кабинета Виталия Сергеевича. Во мне еще теплилась вера в человеческую порядочность. Я думал: ну задержали, ну бывает, но выплатят же всё до копейки, мы же договаривались по-мужски.

Через неделю Виталий Сергеевич объявился. Он был свеж, выбрит и пах дорогим парфюмом. Он вошел в цех

стремительной походкой, но меня кольнуло что-то неприятное в том, как он осматривал станки — словно прицениваясь к старому хламу. Он вызвал меня в кабинет. Войдя, я почувствовал перемену. Он не предложил мне сесть. Он стоял у окна и нервно крутил в руках брелок от машины. Разговор был коротким, как автоматная очередь. «Ты не справился, — сказал он ровным голосом, глядя не на меня, а на пыльную люстру под потолком. — Процент брака слишком высок, план мы провалили, заказчики уходят. Ты меня подвел».

Смысл его слов доходил до меня медленно. Брак? Да, был небольшой процент, но это была неизбежность на этапе пуско-наладки старого оборудования. План? Мы выполнили его на девяносто процентов, что для работы в авральном режиме было чудом. Я хотел возражать, хотел ткнуть его носом в графики, которые мы вели вместе с мастером смены. Но он не дал мне сказать ни слова. Он поднял руку, останавливая меня, и я увидел в его глазах нечто, от чего у меня по спине пробежал холод. Это не было неудовольствие начальника. Это была брезгливость. Брезгливость хозяина к отработанному материалу.

«Мы с тобой не сработались, — чеканил он слова. — Я тебя увольняю. Прямо сейчас. Пиши заявление по собственному желанию». Я опешил: «По какому собственному? Я не собираюсь уходить. У меня есть трудовой договор, вы мне

должны за переработки!» В этот момент он рассмеялся. Это был противный, дребезжащий смех, от которого захотелось вымыть уши. «Какой договор, мил человек? — он развел руками. — Ты у нас официально не оформлен. Ты был на испытательном сроке, стажировался. Так, помогал нам чисто по-человечески. Спасибо тебе за это, конечно».

Земля ушла у меня из-под ног. Стажировался? Три месяца адского труда по четырнадцать часов в сутки — стажировка? Я вспомнил конверт с первым авансом и понял всю глубину своей глупости. Я сам загнал себя в ловушку. У меня на руках не было ничего. Ни записи в трудовой, ни подписанного экземпляра договора, ни копий приказов. Только блокнот с моими каракулями, где я записывал часы. «Это мошенничество», — прохрипел я, чувствуя, как кровь приливает к лицу. «Это бизнес, — отрезал он, садясь наконец в свое кожаное кресло. — Ты молодой, научишься. Скажи спасибо, что я тебя вообще чему-то научил. Бесплатный мастер-класс по реальной жизни. И не вздумай качать права, у меня в городе все схвачено. Трудовой инспекции ты ничего не докажешь, а себе проблемы наживешь».

Он выдвинул ящик стола и швырнул передо мной мятую сотню. Купюра спланировала на стол, покружилась и замерла. «Это тебе на проезд, — сказал он почти ласково. — И зайди к Леночке, подпиши обходной лист, что материальных

претензий не имеешь». Я стоял и смотрел на деньги. Во мне боролись ярость, унижение и полное, абсолютное опустошение. Ярость требовала схватить пресс-папье с его стола и разmozжить ему голову. Но на смену ярости пришел страх. Огромный, липкий, животный страх. У меня не было работы. У меня не было денег. У меня были кредиты, съемная квартира и холодильник, в котором мышь повесилась.

Я не помню, как вышел из кабинета. Не помню, как дрожащими пальцами натягивал свою старую куртку в предбаннике, пропахшем табаком и железом. Помню только сочувствующий взгляд Леночки, которая сунула мне какую-то бумажку на подпись, шепнув: «Ты не первый, Игорь, не убивайся. Он многих так кинул». Я машинально чиркнул ручкой, чувствуя себя предателем по отношению к самому себе. Я сдался без боя. Я просто ушел, оставив за спиной гул станков, которые еще утром считал почти родными.

И вот теперь я сидел на ступеньках заводской проходной, сжимая в кулаке сто рублей. Мир вокруг жил своей жизнью. Где-то гудели машины, кричали воробьи, охрипшие от весенней капели, смеялись девушки, проходившие мимо с коробками пиццы. Солнце светило ярко и нагло, совершенно не интересуясь тем, что моя вселенная только что схлопнулась до размеров мятой купюры. Сто рублей в кармане. Это всё, что у меня было. Стоимость километра моего изношен-

ного нервного волокна. Стоимость тысячи грязных матюков, которые я сдерживал внутри.

Я достал телефон. Экран засветился списком контактов. Я пролистывал их одного за другим, и с каждым движением пальца мне становилось всё тоскливее. Кому я мог позвонить? Родителям? Рассказать, как меня обманули и выкинули? Мать будет плакать в трубку и предлагать продать квартиру, чтобы мне помочь. Отец начнет читать лекции, что я сам виноват, что в мои годы у него было всё схвачено, а я тюфяк и размазня. Нет, это невыносимо. Я не мог слышать их жалость или, что еще хуже, их правоту.

Друзья? Мой телефон был забит номерами тех, с кем мы когда-то веселились, но настоящих друзей, кому можно позвонить в три часа ночи и попросить о помощи, у меня не было. Все разбрелись, обзавелись семьями, ипотеками. Кому я нужен со своими проблемами? Единственный близкий друг детства, Серега, уехал на вахту куда-то под Норильск и был вне зоны доступа. Я представил, как набираю однокурснику Коляну: «Привет, слушай, меня кинули на деньги, не займешь штуку до следующей работы?» И в ответ услышу неловкое покашливание и историю про то, что у него у самого сейчас ипотека, кризис, жена в декрете. Нет, я не мог. Моя гордость, растоптанная в кабинете Виталия Сергеевича, еще подавала слабые признаки жизни. Я не был готов пре-

вернуться в попрошайку.

Была еще Катя. Катя... При мысли о ней сердце сжалось в тугую болезненный комок. Мы расстались три месяца назад, как раз когда я устроился на эту проклятую работу. Я тогда сам оборвал все нити, красивый и самоуверенный, сказал ей, что уйду на повышение, что теперь у меня не будет времени на «телячьи нежности», что мне нужна женщина, которая будет понимать мою занятость и ждать дома с горячим ужином, а не требовать внимания каждую секунду. Она стояла на пороге моей съемной квартиры с заплаканными глазами, а я, надутый от важности индюк, захлопнул перед ней дверь, думая, что теперь передо мной открыт весь мир. Какой же я был дурак. Она была единственным человеком, которому я был нужен просто так, а не в качестве функции. Мне безумно захотелось услышать ее голос прямо сейчас, просто услышать ее тихое «алло». Но что я ей скажу? «Привет, я банкрот, безработный и полный ноль, прими меня обратно»? Слишком жалко. Слишком низко.

Я снова посмотрел на сотню, которая лежала на ладони. Она была старой, потертой, с несколькими заломами. Интересно, сколько рук она прошла, прежде чем попасть ко мне? Может, ее держал олигарх, а может, бомж на вокзале. Сейчас она была моим единственным спутником. «Сто рублей», — прошептал я пересохшими губами. Звук собственного го-

лоса, хриплый и чужой, немного отрезвил меня. Я ощутил, как желудок, получивший с утра только кружку пустого кофе, скручивает спазм голода. Есть хотелось неимоверно. На сто рублей можно купить пачку пельменей в супермаркете и еще останется на проезд. Или доширак и дешевое пиво, чтобы запить горе. Унылая, отвратительная перспектива. Пир во время чумы.

Я встал со ступенек. Ноги затекли, спина ныла от многодневной усталости. Я пошел прочь от завода, не оборачиваясь. Шел и смотрел на асфальт, на трещины, в которых пробивалась первая зеленая трава. В голове была звенящая пустота, ни одной мысли о том, что делать дальше. Я просто переставлял ноги, уходя подальше от эпицентра моего позора. Район был промышленный, серый и безлюдный. Вдоль дороги тянулись бетонные заборы и ржавые гаражи. Ветер гонял пыль и обрывки старых газет. Идеальный пейзаж для конца моей никчемной карьеры.

Я дошел до остановки и сел в полупустой автобус, сам не зная куда еду. Отдал водителю ту самую сотню, получил горсть мелочи и тяжелый, понимающий взгляд. Взгляд человека, который каждый день видит сотни таких же потерянных и разбитых пассажиров. Я сел у окна, прижался лбом к холодному, дребезжащему стеклу. Автобус дернулся и покатил в сторону центра, увозя меня от одного прошлого в

неизвестность. Карманы мои были почти пусты, но на душе, как ни странно, становилось легче. Может, это был шок, а может, странное чувство освобождения. Я потерял всё: работу, деньги, иллюзии. Ниже падать было некуда. Сто рублей в кармане — это не капитал, это насмешка. Но пока эта смешная сумма связывала меня с реальностью, пока я мог купить на нее билет, я все еще существовал.

Я ехал, глядя на мелькающие улицы, и вдруг поймал себя на мысли, что впервые за много месяцев я никуда не спешу. Мне не нужно бежать сломя голову в цех, не нужно выслушивать бредни начальника, не нужно в уме высчитывать нормо-часы. Я был свободен. Абсолютно, чудовищно, разрушительно свободен. И с этой мыслью, убаюканный тряской старого автобуса, я незаметно для себя провалился в тяжелый, свинцовый сон без сновидений.

Глава вторая. Слезы безумия

Я проснулся от того, что водитель автобуса тряс меня за плечо. Его лицо, обветренное и усталое, выражало смесь безразличия и профессионального равнодушия. «Конечная, парень. Приехали. Выходим», — его голос звучал глухо, словно из бочки. Я открыл глаза и не сразу понял, где нахожусь. Шея затекла, во рту пересохло, а перед глазами плыли круги. Я машинально вышел на улицу, споткнувшись о сту-

пеньку, и холодный ветер ударил в лицо, приводя в чувство. Автобус, высадив меня, тут же уехал, растворившись в сизых сумерках. Я остался один.

Оглядевшись, я понял, что проспал несколько часов и оказался на самой окраине города, в промзоне, где не ступала нога нормального человека. Здесь не было ни супермаркетов с яркими вывесками, ни уютных кофеен, ни спешащих прохожих. Только серые коробки складов, ржавые ангары, горы строительного мусора и маслянистые лужи, в которых отражалось низкое, затянутое облаками небо. Пахло сыростью, химией и запустением. Идеальное место, чтобы допить до дна чашу собственного унижения. Я сунул руку в карман и нащупал там горсть мелочи, оставшейся от сотни. Было там рублей сорок. Плюс мятая десятка в другом кармане. Мой капитал.

Чувство голода, тупое и ноющее, сменилось вдруг острым, звериным требованием. Организм, долгое время существовавший на кофеине и адреналине, наконец взбунтовался. Но еще сильнее, чем голод, меня терзала жажда. Не та обычная жажда, которую утоляют глотком воды, а та, что приходит после долгих слез или страшного похмелья — губинная, обезвоживающая все клетки. Мне нужна была вода. И мне нужно было найти хоть что-то, напоминающее еду.

Я побрел по пустынной улице, высматривая какой-нибудь ларек. Скоро я наткнулся на покосившуюся будку с вывеской «Продукты 24», которая подслеповато светилась единственным неоновым глазом в наступающей темноте. Толкнув пластиковую дверь, я вошел. Внутри стоял запах просрочки и табака. Продавщица, тучная тетка с обесцвеченными волосами, смотрела в маленький телевизор, даже не повернув головы в мою сторону. Я подошел к витрине. Цены кусались даже здесь. Пакетик лапши быстрого приготовления, хлеб и бутылка воды — всё, что я мог себе позволить на свои медяки. Я выгреб мелочь на прилавок, чувствуя, как краска стыда заливает лицо. Продавщица не спеша пересчитала монеты, поджала губы, но ничего не сказала. Только швырнула на прилавок зажигалку, которую я не просил. «Акция», — буркнула она и снова уставилась в телевизор.

Выйдя на улицу, я отошел за угол, где стояли ржавые гаражи, и опустился на какой-то бетонный блок. Жадно, обливаясь, выпил полбутылки воды. Вода была ледяная, сводящая зубы, но именно она вернула меня к реальности. Я разорвал упаковку лапши, разломил брикет на части и начал грызть его сухим, как сухарь. Хлеб был чуть черствый, но я съел и его, не чувствуя вкуса. Я просто запихивал в себя еду, чтобы заглушить сосущую пустоту в животе. А когда доел, меня накрыло.

Сначала это была просто тяжесть в груди. Я сидел, смотрел на свои грязные ботинки, на обломанные ногти, на пятно машинного масла, въевшееся в рукав куртки, и пытался восстановить хронологию своего падения. Как я дошел до жизни такой? Я ведь не был лентяем, не был дураком. У меня были планы, амбиции. Я хотел хорошо зарабатывать, купить квартиру, может быть, вернуть Катю, доказать ей, что она ошибалась во мне. А теперь я сижу на помойке, жру сухую лапшу и не знаю, где буду ночевать. Моя жизнь превратилась в дешевую драму, которую даже по телевизору не покажут — слишком банально.

Я попытался заплакать. Мне казалось, что станет легче, если я выпущу эту боль наружу. Я закрыл глаза и попытался вызвать в себе рыдание, но глаза оставались предательски сухими. Внутри будто застыл бетон. Я хотел плакать, но не мог. Это была самая страшная форма отчаяния — когда даже слезы не приносят облегчения. Тогда я закричал. Это был не крик ярости или боли, а какой-то утробный, звериный вой, который вырвался из самой глубины моего существа. Я орал в пустоту, и мой голос эхом разносился среди гаражей, пугая бродячих собак. Я выкрикивал имя Виталия Сергеевича, перемежая его грязными ругательствами, проклинал тот день, когда согласился на его предложение, проклинал свою наивность и доверчивость. Я проклинал весь этот мир, который устроен так, что честного человека можно

выбросить на помойку, словно мусор.

Но крик быстро иссяк, сменившись хрипом и кашлем. Я сорвал горло, но легче не стало. Тогда мой взгляд упал на зажигалку, которую сунула продавщица. Простой кусок пластика, стоивший копейки. Я взял ее в руки, покрутил. В кармане куртки я нащупал скомканный листок бумаги — тот самый обходной лист, который я подписал в полубреду. Символ моей капитуляции. Я достал его, расправил на колене. «Материальных претензий не имею», — гласила строчка, напечатанная мелким шрифтом. И моя подпись внизу.

Я чиркнул колесиком зажигалки. Маленький, почти игрушечный огонек заплясал на ветру. Я поднес его к уголку бумажки. Пламя лизнуло бумагу, и она начала скручиваться, чернеть, превращаясь в пепел. Я смотрел на это заворуженно, как шаман смотрит на ритуальный костер. В этом маленьком огне сгорала часть моей души, моя прошлая жизнь, мои иллюзии о справедливости. Я держал бумагу, пока пламя не подобралось к пальцам. Обожгло. Боль была острой, мгновенной и настоящей. Я отдернул руку, и остатки пепла развеял ветер.

И тут что-то сломалось. Боль физическая, резкая и конкретная, пробила ту бетонную стену, что стояла внутри. Это была не та боль, что терзала душу, а простая, понятная телу

агония. Я смотрел на краснеющий ожог на пальцах, и вдруг из глаз у меня хлынули слезы. Это были не тихие, благородные слезы печали. Это была истерика. Слезы безумия. Рыдания сотрясали всё мое тело, выкручивая суставы, заставляя хватать ртом воздух. Я ревел в голос, по-детски, размазывая по лицу сопли и грязь. Я плакал не о потерянных деньгах. Я плакал о том, что я, Игорь, оказывается, такой слабак. Я плакал от того, что целый мир сейчас казался мне одной большой бетонной стеной, о которую я бился головой, разбивая ее в кровь, но не пробивая. Я плакал от бессилия, от унижения, от того, что меня, как плевков, растерли по асфальту, а я даже не могу дать сдачи.

Сквозь эту мутную пелену слез и соплей до меня начали доноситься звуки. Сначала они казались частью моего бреда, но постепенно прорезались сквозь мой вой. Это была музыка. Живая, скрипучая, но безумно искренняя музыка. Играли на чем-то, отдаленно напоминающем скрипку, но звук был грубее, резче, с надрывом. Кто-то играл «Мурку». Блатную, дворовую, до боли знакомую «Мурку», но так, как ее мог бы играть Паганини, если бы он родился не в Генуе, а в российской подворотне. Мелодия была безумной, ломаной, она спотыкалась, ускорялась, затихала до шепота, а потом взрывалась виртуозным, почти истерическим пассажем.

Я замер. Слезы всё еще текли по щекам, но рыдания стих-

ли. Я прислушался, боясь спугнуть этот звук. Музыка доносилась из-за груды какого-то металлолома, из старого, полуразрушенного ангара, в котором, казалось, не могло быть жизни. Но там была жизнь. И она играла «Мурку» так, что у меня, человека далекого от музыки, мурашки побежали по коже. Это была не просто мелодия, это был рассказ. Рассказ о падении, о тюрьме, о свободе, о смерти. В этих звуках было больше правды, чем во всех словах Виталия Сергеевича вместе взятых. Там была боль, но там была и дерзость. Там была тьма, но там был и свет.

Я поднялся на ноги, пошатываясь, как пьяный. Ноги затекли и плохо слушались, но я пошел на звук. Я спотыкался о куски арматуры, обходил вонючие лужи, стараясь не дышать. Музыка становилась громче. Теперь к скрипке присоединился голос. Хриплый, прокуренный, но удивительно точный. Старик пел не столько слова, сколько душу песни. Он тянул ноты так, словно вынимал их из своей груди голыми руками.

Я подошел ко входу в ангар. Ворота были приоткрыты, из щели падал желтый, теплый свет керосиновой лампы. Я заглянул внутрь. Увиденное поразило меня больше, чем всё, что случилось за день. Среди гор хлама, старых покрышек и ржавых станков был выгорожен островок жизни. На земле лежал старый, протертый до дыр ковер, стояла койка с воро-

хом тряпья, заменявшим одеяло, и маленькая буржуйка, от которой шло живительное тепло. А в центре этого странно-го жилища на ящике из-под овощей сидел человек. Старик. На вид ему было лет семьдесят, но возраст здесь был ни при чем. Глаза его горели дьявольским, молодым огнем. Он был одет в какое-то немыслимое пальто с чужого плеча и старую ушанку. В одной руке он держал самодельный смычок, а коленями зажимал инструмент, который я поначалу принял за скрипку. Присмотревшись, я понял, что это такое. Это была консервная банка. Большая, ржавая банка из-под тушенки, к которой были приделаны гриф от сломанной гитары и струны. Смычок был сделан из палки и конского волоса.

Человек-ангар играл на консервной банке, и эта банка звучала как Страдивари. Он закончил финальным, безумным пируэтом смычка и замер. В ангаре повисла звенящая тишина. А потом он медленно поднял голову и посмотрел прямо на меня, в щель ворот. Его взгляд был острым, как скальпель. Он смотрел на меня, грязного, заплаканного, сжимающего в кармане горсть мелочи, и на его морщинистом лице медленно расплылась улыбка.

— Что, пацан, — проскрипел он голосом, под стать его музыке, — душу на ветер продал, а выручил сто рублей? Заходи, не стой столбом. У меня тут тепло. И чайник почти горячий.

Я стоял, замерев. Слезы на моих щеках высохали, оставляя соленые дорожки. Я смотрел на этого сумасшедшего старика с консервной банкой, и чувство, которое я испытал, невозможно было описать. Это был не страх. Это было потрясение. словно сама жизнь, устав пинать меня ногами, решила бросить мне под ноги ключ. Ключ к двери, о существовании которой я даже не подозревал. Я ничего не ответил. Я просто сделал шаг вперед, в тусклый свет керосинки. скрип ржавых петель за моей спиной прозвучал как закрытие первой страницы и начало новой, еще никем не написанной книги.

Глава третья. Невидимка

Я не помню, сколько времени провел в том ангаре. Кажется, целую вечность, спрессованную в несколько часов. Старик, которого звали Степан Ильич, а для своих просто Ильич, напоил меня обжигающим чаем из какой-то травы. Вкус у чая был странный, терпкий, пахнувший летом и дымом, но он согревал изнутри и прогонял липкий холод, поселившийся в костях. Мы почти не разговаривали. Ильич не спрашивал, кто я и как докатился до жизни такой. Ему, казалось, было всё равно. Он видел перед собой просто еще одну сломанную душу, каких сотни бродят по промышленным пустырям. Вместо вопросов он снова брал свою консервную

банку и играл — то безумные, искромсанные фуги, то простые, щемящие душу мелодии, от которых хотелось выть на луну.

Уснул я прямо на полу, на куске грязного поролона, укрывшись рваным ватником, который мне молча кинул хозяин жилища. Сон был черным, без сновидений, словно я провалился в небытие. А проснулся от холода. Ильича в ангаре не было. Буржуйка погасла, и морозный воздух пробрался под ватник, кусая за бока. Я сел, растирая затекшие руки. В голове гудело, во рту стоял мерзкий металлический привкус. Свет, пробивавшийся сквозь дыры в крыше, был тусклым и серым, но было уже явно утро.

Я выбрался из ангара. Утро встретило меня низким, набрякшим снегом небом и пронизывающим ветром. За ночь мир не стал добрее. Промзона выглядела еще более унылой и безжизненной, чем накануне. Ильича нигде не было видно. Возвращаться в ангар без хозяина казалось неправильным. К тому же меня гнал вперед всё тот же животный инстинкт — голод и потребность в деньгах. Нужно было возвращаться в город, к людям, попытаться найти хоть какую-то работу. Хоть грузчиком, хоть дворником. Сорок рублей мелочи, звякавшие в кармане, диктовали свои условия.

Я вышел на дорогу и долго ловил попутку. Машины про-

носились мимо, обдавая меня грязью из луж, пока наконец не остановился потрепанный грузовичок. Водитель, молодой парень в засаленной кепке, согласился подбросить меня до метро за полтинник. У меня не было полтинника. Было только сорок. Он махнул рукой, сжалился. В кабине пахло соляркой и дешевыми сигаретами. Я ехал, прижавшись к окну, и смотрел, как серые пятиэтажки сменяют ржавые склады. Город просыпался, наполнялся людьми, спешащими по своим делам. Людьми, у которых была цель. У меня же цели не было. Было только желание выжить.

Метро встретило меня шумом и толкотней. После тишины промзоны это был почти физический удар. Я спустился в подземку, купил билет на последние рубли и втиснулся в переполненный вагон. Меня толкали, прижимали к дверям, но я почти не чувствовал этого. Я чувствовал другое — запах. От меня несло. Кислый запах пота, дыма буржуйки, сырости и той особой грязи, которая въедается в одежду бездомного за одну ночь. Я смотрел на свое отражение в темном стекле вагона. Щетина, красные глаза, грязная куртка. Я сам бы не подал себе милостыню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.